

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ГРИЦЕНКО

В 2023 году гуманитарное сообщество Юга России понесло тяжелую утрату. 22 октября на 69-м году жизни скоропостижно скончался Василий Петрович Гриценко, доктор философских наук, профессор. Оборвалась жизнь человека большой души, яркого представителя научной интеллигенции, талантливого и полного идей ученого, педагога высокой культуры.

Вся деятельность Василия Петровича была неразрывно связана с наукой, культурой, образованием. Проблематика его исследований отличалась многогранностью, но всегда была неразрывно связана с самыми актуальными проблемами современности – это и анализ культуры как семиотической реальности, и противоречия, присущие глобализации, и приоритеты развивающегося социогуманитарного знания, и модернизационные процессы в северокавказских сообществах, и концептуальный анализ изменений городской среды... Сложно перечислить все темы, находившиеся в фокусе внимания ученого, создавшего за свою жизнь более двухсот научных работ, однако самым главным, фундаментальным его интересом являлась, по его же собственным

словам, «генетика культуры, те изменения природы личности и социума, которые происходят в связи с процессами семиотических мутаций, изменения, за время жизни одного поколения кардинально меняющие социокод человеческой цивилизации, природу личности, характер ментальности, способы понимания». Именно стремление к поиску универсальных философских оснований, всеобщих принципов, во все времена определявших культурные изменения, выступало лейтмотивом научной деятельности Василия Петровича. Талантливый исследователь понимал философию отнюдь не как отвлеченную кабинетную науку, справедливо считая, что поиски истины должны быть неразрывно связаны с жизнью, социальной практикой, с решением магистральных задач, стоящих перед обществом. В 2020 году ученый был награжден благодарностью губернатора Краснодарского края за вклад в развитие науки Кубани.

Более трех десятилетий Василий Петрович посвятил работе в Краснодарском государственном институте культуры, заведовал кафедрой, был проректором по научной работе, постоянно занимаясь преподавательской деятельностью. За годы работы в вузе его учениками стали тысячи будущих специалистов в сфере культуры, успешно освоивших основы философских знаний во многом благодаря педагогическому таланту Василия Петровича, под его научным руководством были защищены восемнадцать кандидатских и пять докторских диссертаций. Занятия со студентами и аспирантами неизменно были проникнуты духом стремления к истине, человечностью, доброжелательностью, проходили в атмосфере равноправного и взаимоуважительного диалога.

С 2019 года Василий Петрович являлся членом объединенного диссертационного совета, созданного на базе Института Наследия и двух вузов культуры Юга России, принимал активное участие в экспертизе и обсуждении диссертационных исследований, дискуссиях на заседаниях совета.

Все, кто знал Василия Петровича, навсегда запомнят его искренним, чутким и открытым человеком, интересным собеседником с прекрасным чувством юмора, коллегой, готовым, понять иную точку зрения и достичь компромисса в научной дискуссии, профессионалом, посвятившим себя служению профессии педагога и высокому призванию ученого.

Коллектив Южного филиала Института Наследия

О себе от первого лица...

Научные интересы: социальная семиотика, философия культуры, философия науки, философия образования, гуманитарная урбанистика.

Так получилось, что с детства мечтал быть ученым, потом философом. В современных вузах преподается несовременная, устаревшая лет на 50-60 философия. Современная философия является медиафилософией, но не в смысле пропаганды, а в том, что она неотрывна от компьютерных технологий, от сетевых. Преподают философию как поток преданий, чаще всего как собрание странных высказываний неких девиантов мысли, что совершенно неверно. Это образ философии как псевдознания. Философия по своей сути есть способ погружения в бытие, методология и теория постановки и решения насущных проблем бытия. Философ – это интеллектуал, занятый моделированием и решением практических задач человека и человечества.

Всего у меня более сотни публикаций. С некоторыми хотел бы ознакомить читателей:

- *Гриценко В. П., Попруженко Ю. С.* Проблема новой метрополитанизации и ребрендинга Краснодара // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 1 (72). С. 135–140.
- *Гриценко В. П., Александров Е. П.* Интенциональный диалог как технология социальной адаптации: философско-методологический аспект // Культурная жизнь Юга России. 2019. № 1 (72). С. 58–67.
- *Гриценко В. П., Данильченко Т. Ю., Литвинов А. А.* Концепт российской нации: опыт культурологического осмысления законодательно-нормативных практик // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 4 (71). С. 7–10.
- *Горлова И. И., Гриценко В. П.* Российская цивилизация и «Русский мир» // Журнал института наследия. 2018. № 2 (13). С. 11.
- *Гриценко В. П., Данильченко Т. Ю.* «Островная наука» и мейнстрим // Инновационные процессы в информационно-коммуникационной сфере: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, 15 марта 2018 г.) / ред. А. Н. Дулатова, О. М. Уржумова. Краснодар: КГИК, 2018. С. 11–14.
- *Гриценко В. П.* Медиафилософия как практическая философия: философ как демиург и медиум // Практическая философия: от классики до информационного социума: сб. материалов всерос. конф. (Астрахань, 27–28 сентября 2018 г.) / ред. Л. В. Баева, К. А. Маркелов. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2018. С. 309–314.
- *Гриценко В. П., Данильченко Т. Ю., Борисов Б. П.* Миссия университета и информационный капитализм // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 42. С. 43–50.
- *Гриценко В. П., Данильченко Т. Ю.* Русский мир: в поисках концепта и цивилизационной идентичности // Субъективное и объективное в историческом процессе: материалы междунар. науч. конф. Сер. «Социально-гуманитарные исследования ученых Донбасса» (Донецк, 21 апреля 2017 г.) / ред. Т. Э. Рагозина. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2017. С. 195–202.
- *Гриценко В. П.* О цивилизационном статусе России // Духовно-нравственные основы идеологии российской государственности на современном этапе: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Сочи, 13–15 марта 2017 г.). Краснодар: Диапазон-В, 2017. С. 238–244.
- *Гриценко В. П., Данильченко Т. Ю., Римский В. П.* Российская философия и университет перед вызовами XXI века // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 3 (66). С. 73–76.

Отдавая должное памяти нашего безвременно ушедшего коллеги, журнал «Наследие веков» публикует одно из редких интервью ученого, в котором он, верный своему научному кредо, концентрирует внимание на актуальных проблемах современности. Материал, впервые увидевший свет в 2020 году, был дополнен и уточнен редакцией.

Собеседник

ГРИЦЕНКО Василий Петрович

доктор философских наук,
профессор кафедры педагогики,
психологии и философии
Краснодарского государственного
института культуры
Краснодар, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6150-577X

Интервьюер

БАКУМЕНКО Геннадий Владимирович

кандидат культурологии,
ведущий консультант отдела
по сопровождению проектов и программ
Кубанского научного фонда
Краснодар, Российская Федерация
genn-1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1661-9428

ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.37.1.010

В поисках национальной идеи: беседа с профессором Василием Гриценко¹

Главной темой интервью с видным российским философом профессором Василием Петровичем Гриценко стали проблемы, связанные с государственной идеологией, ее сущностью и попытками обоснования, национальной идентичностью русского народа, его самосознанием. В контексте поисков духовной парадигмы российского общества рассмотрены взгляды отече-

¹ Данная публикация представляет собой дополненную и уточненную версию интервью, впервые опубликованного в журнале «Парус» в двух частях:

1. Бакуменко Г. В., Гриценко В. П. Сакрализация прекрасного в практике нравственно-идеологического конструирования государственности (Часть 1) [Электронный ресурс] // Парус. 2019. № 11–12 (79). URL: <https://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/sakralizaciya-prekrasnogo-v-praktike-nravstvenno-ideologicheskogo-konstruirovaniya-gosudarstvennosti> (дата обращения: 15.03.2024).

2. Бакуменко Г. В., Гриценко В. П. Сакрализация прекрасного в практике нравственно-идеологического конструирования государственности (Часть 2) [Электронный ресурс] // Парус. 2020. № 1–2 (80). URL: <https://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/sakralizaciya-prekrasnogo-v-praktike-nravstvenno-ideologicheskogo-konstruirovaniya-gosudarstvennosti-0> (дата обращения: 15.03.2024).

ственных философов конца XIX – начала XX вв. Отмечается важность и необходимость сохранения культурной традиции, накопленного поколениями исторического опыта. Уважение к культурному наследию понимается как необходимое условие адекватной реализации человеком и обществом свободы выбора, иначе свобода приведет к повторению совершенных ранее ошибок. Выдвигается предположение о том, что цивилизацию как конгломерат культур можно определить только через наличие культурных различий, обсуждаются ценностные основания русской культуры. Подвергается осуждению русофобия как явление, не относящееся к цивилизации как высокоорганизованной системе культурных связей.

Ключевые слова: национальная идея, русская идея, евразийство, В. В. Пасечник, А. Тойнби, Б. Малиновский.

Беседа записана 16.01.2020 г.

Г. В. Бакуменко: Добрый день, уважаемый Василий Петрович!

Приветствую Вас в ряду наших собеседников. Давайте сразу, без раскачки...

Какова на Ваш взгляд роль духовного наследия, «корней», выражаясь метафорически, в жизни современного человека, современно-го российского общества?

В. П. Гриценко: Благодарю, Геннадий Владимирович, за внимание к моим работам.

Вопрос поставлен не простой. Вряд ли в одной беседе можно раскрыть все его аспекты.

Хочу обратить внимание читателей и собеседников на проблему духовного содержания современной российской идеологии в контексте заданного Вами вопроса. Любая идеология – результат накопления идей, а идеология нации без наследия, без основательных корней непродуктивна, бессмысленна и может серьезно навредить. Человек безыдейный, в принципе, – пустой человек, никчемный. А если эту ситуацию масштабировать, то и общество без определяющей его единство идеи пусто и никчемно, не живет, а только смердит и разлагается, засоряя собой окружающую среду. Поскольку в отрыве от конкретной культуры как социально-исторического феномена никакая идея аутентично, то есть исконно, как она есть, не читается, то ограничимся именно отечественной культурой и ее продуктивными идеями.

К примеру, молодой, подающий надежды алтайский писатель, критик и искусствовед Владислав Витальевич Пасечник в статье «Идея народа-богоносца как характерная

черта русской религиозной философии» [8] рассматривает проблему неотрывности национальной идентичности русского народа, его места в мировой истории и культуре от особого миссионерского духа. Ключевая идея – «народ-богоносец» – заимствована им из философии Серебряного века, это квинтэссенция особой мессианской роли православной культуры в мире. Владислав Витальевич верно отмечает, что духовное самоопределение России, как правило, не является предметом рассмотрения в исследованиях европоцентристского характера, а почвеннические работы, напротив, ориентированы преимущественно на духовность, на конкретную православную традицию.

Светлана Викторовна Недбаева очень точно подметила, что «осмысление душевности как особой силы, силы тайной, сакральной, прекрасной» является особенностью русского характера [7, с. 8–9]. Именно эту силу почувяла российская аристократия в патриотическом порыве 1812 г. Победа русского оружия и русского характера над наполеоновской армией всколыхнула самосознание русского народа, способствовала духовной работе в среде интеллигентов, философов.

Следующий толчок национального самосознания, по мнению В. В. Пасечника, последовал после Первой мировой войны в результате духовного кризиса, охватившего российское общество [8, с. 201]. Столь широкие мазки истории, конечно, спорны. Но в целом можно согласиться, что войны в значительной степени повлияли на общий настрой как в начале девятнадцатого века, так и двадцатого.

На рубеже XIX–XX вв. в целом сложились традиции русской философии. Ее ранние представители и, что немаловажно, популярные национальные писатели на протяжении всего XIX в. прилагали усилия к пересмотру духовной парадигмы российского общества, создавая проект новой русской культуры. Не случайно и попытка пересмотра религиозной православной доктрины. Это и эстетика Души Мира (Софии) Вл. С. Соловьёва [13], буквально осеменявшая Серебряный век, это и «толстовщина», в основание которой Львом Николаевичем был положен предельно гипертрофированный гуманизм, выразившийся в любви к Христу как человеку [16]. Важнейшее значение в этой дискуссии имели проблемы русской души, мировоззрения, экзистенции личности. С точки зрения национального самосознания, главное место на мировоззренческом поле дискуссии занимала тематика русской идеи, генерированная Ф. М. Достоевским и получившая развитие в работах Вл. С. Соловьёва, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и др. Во главу угла ставилась задача проектирования благого будущего для России. Оно, как правило, виделось в духовном восхождении и возрождении, в оправдании особой миссии нации, в которой «народ-богоносец» ориентирован на идеалы и ценности православия. Наличие общих черт в хозяйстве, культуре, науке, образовании и даже культурные заимствования из западной культуры не давали повода утверждать, что Россия тождественна Западу. Основное виделось не в тождестве (христианстве), а в различии (православии). Центр славянского мира, идея «Москва – Третий Рим», обуславливал специфический русский космизм, вселенскую суть национального характера, исключаящую европоцентризм как заведомо тупиковый путь развития. Так, В. В. Розанов, соотнося Россию и Европу, наиболее существенным считает именно нравственные различия католической и православной цивилизаций [10], хоть и имеющих общие корни, но по интенции, направленности, диаметрально противоположных, как правая и левая рука.

В. В. Пасечник обращает внимание [8, с. 202] на прогноз Н. А. Бердяева о восхождении после разложения Европы антихристианской китайско-американской «дьяволооче-

ловеческой морали» [1]. Н. А. Бердяев развивает аналитические выводы Вл. С. Соловьёва о сущности борьбы европейцев за социальную справедливость, ведущейся методами ненависти и злобы, следствием которых может быть лишь падение человечества и крах цивилизации. В свете возрастающего эгоизма Запада в экспансивной пропаганде либерализма, замешанного на примате материального обогащения, нельзя не согласиться с эсхатологическими пророчествами Вл. С. Соловьёва и Н. А. Бердяева о наступлении царства Антихриста. В. В. Пасечник делает вывод, что только русский народ обладает особой целостностью познания, постижения мира, которая и помогает ему в соответствии с его экзистенциальным положением быть особо избранным. Это якобы позволяет быть русскому народу в духовной связи с Богом и быть народом-богоносцем. Этим он ограничивает развитие русской идеи и менталитета русского народа.

Думаю, это чересчур. Не стоит так уж идеализировать «единственный источник власти в Российской Федерации» [5] и предаваться мистике. Наши политологи, известные аналитики международных отношений, к примеру, прослеживают, как крупные организации «третьего сектора» США, инвестируют колоссальные средства в создание неправительственных структур на территории России и их подрывную деятельность. Результаты этой деятельности не утаиваются, и открытые источники позволяют проследить их влияние на разработку проектов Конституции Российской Федерации, «первой части Гражданского кодекса, Налогового кодекса, а также на принятие Земельного кодекса России в 2001 г.» [9, с. 145]. Нужно отдавать себе отчет в том, что динамичный мир идей развивается в том числе и посредством трансформации ценностных установок, вложений в символический капитал влияния. Сегодня целенаправленная «политика мягкой силы», а вернее, механика и технологии социального проектирования, непосредственно реконструируют фундаментальные способы социальной самоорганизации, что может развивать общество, формировать и усиливать его как народ, а может и архайзировать его до первобытной аморфной

стадии некоего несостоявшегося этноса. Мистицизм В. В. Пасечника основан на надежде, на вере в особые сокровенные качества, которые должны способствовать чуду. Однако в век технократических достижений все чудеса требуют высоких технологий, навыков и умений, а также особого состояния духа – сознательности, долга. Поэтому, я считаю, что духовный смысл русской идеи надо понимать шире, философско-культурологически. Современные идеи духовного единства России не могут базироваться только на идеях православия, так как современное российское государство поликонфессионально, многонационально, полиэтнично и содержит многообразные духовные истоки и традиции. Народ русский, россияне – это множество народов, от системного единства которых зависит будущность нации. В светском российском государстве национальная идея переживается, прежде всего, как идея социально-политического устройства на основе демократических идеалов равноправия, мультикультурализма, федерализма, социального единства, справедливости и взаимного доверия. В этом случае намечается конфликт социальной памяти: у приверженцев интеграции на православной основе может возникнуть впечатление угрозы национальной целостности ввиду сложности, полифоничности культурной системы современной России. И именно это наблюдается в политической повестке ряда государств, имеющих с Россией общее историческое прошлое. Через отторжение многомерного прошлого такое, к примеру, младогосударство, как Украина, ищет собственный путь, ориентируясь на «новое» как на реальную унифицированную альтернативу «старому», отделяя свои ветви от питательной корневой системы. При этом остается незамеченным, что унифицированный проект Евросоюза, куда как в светлое будущее устремлены помыслы иссушенных ветвей украинской политической элиты, во многом основан на опыте не такого уж далекого нашего совместного бытия в Советском Союзе.

Движение к актуализации духовного наследия и поиск современных основ государственного единства в современных исследованиях может принимать различные

формы [4]. В настоящее время даже у представителей консервативно-монархических взглядов, таких как у А. Дугина, это порой приобретает форму синкретизма, интеграции православной идеологии с философско-религиозными концепциями нехристианских конфессий, исторически взаимодействующих в пространстве Евразии. Таким образом, попытки найти истинную идеологию в прошлом не так тривиальны, потому что неоднозначна актуализация духовного наследия из прошлого, ведь Россия – это пространство трех цивилизаций: христианства, ислама, буддизма.

Когда Киевская Русь сроднилась с византизмом, то действительно обрела идеологическую основу для социального единения. Византийская традиция стала государственной доктриной на Руси. В то же время, с точки зрения Византии, государство, обратившееся в христианскую веру, попадало под юрисдикцию Императора и Вселенского патриарха. Для России эти отношения имели сугубо духовный характер. Однако в реальных практиках государственного самосознания этот христианский универсализм трансформировался в мессианскую идею «Третьего Рима» и сакральности царской власти.

В конце XIX – начале XX вв. русские мыслители стремились модернизировать отношения духовной идеологии и социальной практики. И. А. Ильин говорит об активном внедрении идеалов христианства в жизнь, Вл. С. Соловьев уподобляет отношение «церковь – государство – общество» Святой Триаде. Тема Богочеловечества и Всеединства Вл. С. Соловьева является, по-моему, определенной трансформацией идей Вселенской церкви и государства. Онтологичность русской религиозной и философской мысли, согласно византийской традиции, предполагает ее универсальность, а субъектами преобразования полагаются имеющиеся реальные социальные институты. Однако сами эти институты стремятся не к сакрализации национальной государственности, как отмечает Б. П. Борисов, а к профанации [2]. Национальная государственность, таким образом, остается нереализованной мечтой народов, не только русского, а всех без исключения. Если есть такой общий интерес,

значит есть реальные, а не мистические основания для единства.

Применительно к России Н. С. Трубецкой [17] и П. С. Савицкий [11] моделируют евразийское направление отечественной политики и цивилизационного развития. Частично оно возникает под влиянием осознания противоречия цивилизаций, в частности, различий западной и восточной цивилизаций. В противоположность западному индивидуализму, прагматизму и шовинизму они предлагают проект, в котором душевные качества на первом месте, а социальность характеризуется особой духовной соборностью – «культурным симфонизмом» [11]. Особенный российский цивилизационный путь они выводят из геополитического положения России, климатических условий, социального симфонизма. Российская культура, согласно их проекту, как бы движется к Церкви, что вызвало несогласие церковников. Евразийцы на свой лад предлагают модернизировать христианский православный проект. Ведь западноевропейская революция тоже во многом является результатом модернизации христианства в лоне протестантизма, что демонстрировал М. Вебер [3].

Трудноразрешимая дилемма для евразийцев – использовать православие для всего пространства евразийства или же создавать новую синтетическую религию. Однако попытки подвести под этот географический детерминизм духовную идентичность также утопичны и малопродуктивны. Азиатские границы России трудноопределимы. Более того, в этом случае в содержании духовного наследия России увеличивается роль наследия Чингисхана. К тому же надо осознавать, что духовное единение не исключает внутреннего разнообразия идей и даже некоторых антиномий, двояко обоснованных, противоположных друг другу идей.

Таким образом, традиционная российская идеология и духовные поиски внутри нее содержат антиномии различного рода. Среди них – антиномия цивилизационного характера Восток – Запад. Она нашла свое обоснование в евразийстве, где возникли некоторые предложения по ее преодолению. Эта идеология имеет как актуальное ценностное

содержание, связанное с интеграционными идеями, так и ошибочные, как я считаю, идеи мессианизма. Мессианизм опасен тем, что воспринимает идею исключительности народа, а в практической политике ведет к большим социальным издержкам и жертвам.

Отвечая же на Ваш вопрос в контексте вышеизложенного, могу высказаться так.

Существуют силы как внутри России, так и за ее пределами, не заинтересованные в том, чтобы современный человек задумывался о своих корнях. Это позиция рабовладельца: рабы с богатым прошлым не нужны, такие рабы опасны, поскольку могут оказаться духом сильнее господина. Речь не идет о каких-то конспирологических мифах. Идеология рабства существовала, как известно, на протяжении всей истории человечества. Так вот... Истинная свобода поступка всегда самодетерминирована, то есть по сути обусловлена сама собой. Поэтому, чтобы свободно делать выбор и совершать поступки, современному человеку насытить свой внутренний духовный мир опытом минувших поколений, иначе свобода приведет лишь к повторению совершенных некогда печальных ошибок. В этом я и вижу роль духовного наследия как в практиках становления и самореализации личности, так и в практике нравственно-идеологического конструирования современной российской государственности. Так что без «корней» нет ни личности, ни государства – ни одной зеленой веточки в парусе крыльев древа цивилизации.

Г. В. Бакуменко: Благодарю, Василий Петрович, за столь полный, исчерпывающий ответ.

Вы вскользь коснулись темы цивилизационных отличий и особенности цивилизационного развития России. Это идея Русского мира? Того мира, вокруг которого столь много русофобской шумихи на Западе?

В. П. Гриценко: В этом вопросе скрыто несколько ракурсов.

Во-первых, неоднозначно понятие цивилизации и производное – цивилизационный выбор. Собственно, особенности цивилизационного развития России связаны с тем выбором, который каждый из россиян

совершает в своей повседневности, включая словоупотребление.

Например, сейчас все ПТУ (советская аббревиатура от «профессионально-техническое училище», а раньше это были бурсы¹, сейчас преимущественно – колледжи) выпускают менеджеров (с английского – «руководитель», «управляющий» или «начальник»). Так вот... Наплодили в России менеджеров, и они, бедные, считают себя начальниками, только не знают с чего начать.

Я часто бываю в европейских странах как турист. Так вот, западный обыватель мыслит примерно так.

Сертифицированный колледжем менеджер должен быть ориентирован на евро-атлантическую систему разделения труда, в которой каждый колледж (например, в Германии) производит менеджеров только на заказ конкретного предприятия за деньги самого предприятия по требуемой предприятием специализации. Поэтому выпускник колледжа в Европе или США – это молодой человек с гарантированным для начала карьеры местом работы, с определенным социальным статусом, а дальше все зависит от его таланта и усердия. Советские ПТУ больше соответствовали требованиям времени, чем нынешние бурсы, потому что планово обеспечивали народное хозяйство специалистами, а руководителей страны специально готовило лишь одно учебное заведение в СССР – Высшая партийная школа при ЦК КПСС.

Если какому-нибудь государству требуются руководители, тогда такое государство, по идее, и должно заказывать их колледжам.

Зачем же современной России столько менеджеров, воспитанных за казенный счет?

Я точно не знаю, сколько их на самом деле ежегодно производится, но подозреваю, что хватит, чтобы поставить наших выпускников ПТУ во главе каждого государства на планете. Возможно, это и пугает Запад.

Все это шутка, конечно, в которой лишь доля правды...

¹ От латинского *bursa* – «карман», «кошелек»; бурсаками, начиная со Средних веков, именовали студентов, обучающихся при монастырях за казенный счет, а монастырская казна называлась бурса, также на Руси издревле именовали монастырские общежития (Прим. – Г. В.).

А печальная картина цивилизационного выбора скрывается в перечне рода занятий: менеджер, промоутер, мерчандайзер, дистрибьютор, спикер, фрилансер и т.д. и т.п. Если русские люди вместо дела заняты всей этой шелухой, то я теряюсь в догадках: они на самом деле русские или делают в России больше нечего как язык ломать, обманывая себя и других непонятными словами?

Культуры и языки во все времена варились в едином котле взаимовлияния. Но отнюдь не все культуры достигли цивилизационного уровня.

Что означает цивилизационный уровень для культуры, поясняет американец немецкого происхождения, всю жизнь изучавший наследие разрушенной европейцами доколумбовой Америки, Альфред Луис Крёбер. В своем фундаментальном труде 1952 г. он считает цивилизациями те культуры, достижения которых до сих пор считаются высочайшими культурными ценностями [6]. Естественно, носителями культур были и есть народы, имевшие или имеющие свой ореол проживания и распространения автохтонной культуры.

Британский историк, философ и культуролог Арнольд Джозеф Тойнби, насчитывая в истории человечества двадцать одну цивилизацию, определял их по наличию высокоорганизованной религии, привязанной к территории [15, с. 80–85]. Он же выделяет и Православную христианскую (русскую) цивилизацию, которая, по его мнению, отлична от Основной православно-христианской цивилизации, подразумевая под последней Византию и ее наследие на Балканах. В свет его многотомник (12 томов) выходил в 1934–1961 гг., и каждый том вызывал большой интерес, поскольку напрочь развеивал миф его старшего соотечественника Эдварда Бёрнетта Тайлора (1832–1917) о том, что Европа – единственная цивилизация (культура), а остальные народы не достигли еще в своем развитии подобных высот. Э. Тайлора оспаривал и американский поляк, этнограф и культурный антрополог Бронислав Каспер Малиновский (1884–1942), в отличие от других теоретиков живший среди туземцев и изучавший их культуры методом включенного наблюдения. Он-то и провозгласил тезис, что

недоразвитых культур не бывает, что любая культура – это сложная система ценностей и смыслов, обычаев и традиций, придающая человеческому обществу целостность. Его исследования при жизни стали известны только специалистам, да и то не все. Основной труд жизни выдающегося ученого «Научная теория культуры» (“Scientific Theory of Culture”) [20] был опубликован посмертно, в отличие от трудов А. Тойнби, с 1943 г. возглавлявшего исследовательский отдел Министерства иностранных дел Британии, занимавшийся в том числе послевоенным обустройством мира.

Идея Б. Малиновского, что в естественно сложившуюся систему культуры ни в коем случае нельзя вмешиваться, чтобы не нарушить целостность общества, разделяется поныне далеко не всеми. Попробуйте донести тезис Б. Малиновского, например, до наших деятелей или менеджеров культуры. Все ли они уровень своей ответственности способны осознать? Понимают ли современные менеджеры, что такое культура и чем она отличается от цивилизации? И, конечно же, амбициозные проекты мирового обустройства просто не могут апеллировать к науке, поскольку в корне противоречат основному этическому ее постулату: табу на эксперименты над людьми с заведомо неизвестным, а от того противогуманным результатом. Собственно, сам принцип европейского гуманизма – все по-своему переиначить, подстроить под себя – противоречив и парадоксален, когда речь заходит о человеке. Одно дело, когда человек сам себя переиначивает. Это может быть результатом сложного его духовного труда. Иное, когда он на другого, подобного себе или пусть даже вовсе не подобного, покушается в стремлении переиначить. Парадокс гуманизма состоит в том, что нет этических гуманных оснований под себя другого человека переделывать. А ведь деятели Просвещения именно эту цель и провозгласили, потому и получили в результате социал-демократию в крайних ее проявлениях (анархизм, большевизм, фашизм).

Такое масштабное вступление с кратким экскурсом в теорию культуры и цивилизации мне понадобилось, чтобы раскрыть непростой контекст поставленного вопроса. Я считаю, что принцип целостности, который

научно обосновывает Б. Малиновский, характеризует некакую-то отдельную культуру, а ее универсальную родовую сущность. Культура в целом – это все культуры в совокупности: и исторические, существовавшие когда-либо, и современные, и потенциально возможные. Любое расчленение (анализ) – лишь теоретическое допущение, позволяющее отдельный элемент целостности рассмотреть вблизи, чтобы обнаружить его системные связи с другими элементами. Отсутствие этого всеобщего единства в европейской картине мира, мне думается, и насторожило Ивана Васильевича Киреевского (1806–1856). Валерий Борисович Храмов в беседе с Вами выбрал очень важный контекст, от древнеегипетской мифологии к философии аромата, и точный аспект идей Ивана Васильевича – цельности и сердца как сосредоточия вселенской гармонии [18, с. 234–260]. И. В. Киреевский в целом идею христианского просвещения поддерживал, но возникшие диссонансы в виду индивидуалистического крена европейского романтизма его встревожили. Не нашел он себя в европейской культуре, а потому поставил ряд вопросов, предопределивших дальнейшее развитие русской философии. Центральное место в ней занимают как раз вопросы цельности: цельности культуры и как социального феномена, и как человеческой личностной сущности.

Вэтой цельности разграничение культуры и цивилизации носит, опять же, сугубо академический, аналитический, а не онтологический характер. Единство культуры и цивилизации видится в том, что культура, в отличие от природы (природы), характеризует продуктивность цивилизации (результаты созидательной деятельности всех культурных людей без исключения). Там, где заканчивается культура, кончается и цивилизация. Человек может быть культурным, способным к созидательному труду, и диким, не способным, может совершать культурные, сугубо человеческие поступки, а может по разным причинам уподобляться скоту, творя непотребное, разрушая себя, культуру и цивилизацию.

Если оставаться на эволюционистских позициях, полагая линейное течение истори-

ческого времени основной его сущностной чертой (от причины к следствию), то цивилизация, будучи едина с культурой, все же не тождественна ей. Мое предположение, структурирующее остальные воззрения в некоторое подобие научно-философской системы, заключается в том, что для самоопределения цивилизации недостаточно одной культуры. Цивилизация определяется через наличие культурных различий. То есть онтологическую целостность возможно осмыслить лишь посредством сравнений. Культурные различия могут быть столь существенны, что представитель одной культуры не всегда в состоянии осмыслить рациональность и культурную обусловленность поступков представителя иной культуры. Эти существенные расхождения и диктуют необходимость предполагать возможность параллельного развития нескольких цивилизаций, в основании которых лежат различные сложные системообразующие ценностные и смысловые связи. Цивилизация, в моем понимании, – это сложный конгломерат культур или некоторый достаточно высокий уровень развития культуры, если понимать под культурой сумму интегрированных культур.

Эволюция в грубой схеме выглядит так: сначала организуется культурное общество, то есть общество, регламентирующее индивидуальную и коллективную деятельность культурными нормами; затем разные общества, имея разные культурные особенности, учатся сосуществовать совместно, не уничтожая друг друга; и такая способность уживаться как раз и характеризует цивилизационный уровень развития культур, носителями которых остаются отдельные общества или народы. Так и возникли, по моему мнению, все древние цивилизации. И современная цивилизация – это не глупое состязание кто более цивилизован или у кого палка длиннее и прочнее, а способность уживаться и сотрудничать. Если кто не способен сотрудничать, тому учиться надо этому, стремиться стать более цивилизованным.

Я потому и против любой мессианской затеи. Потому что мессианство ставит мессию в исключительное положение – исключает из цивилизации. Цивилизация – это взаимо-

действие культур при сохранении их разнообразия, а не уничтожение разнообразия посредством мессианского доминирования.

Поэтому и Русскую идею я не склонен примитивно редуцировать к мессианизму. Она гораздо шире. Русские путешественники ставили поклонные кресты и на северных диких островах, и на Аляске, но воевать с местными племенами как-то в голову им не приходило. А зачем биться, если можно и без этого?

Я не склонен здесь идеализировать или мифологизировать ментальные черты русского народа. Но хочу подчеркнуть, что русские сказки, былины, песни – все многообразие устного культурного наследия соперничество отождествляет с потехой, игрой, с делом несерьезным и необязательным, а любое серьезное дело приукрашает особым целеполаганием – во благо. Благом же понимается не какая-то тайная выгода или сокровище, а способность поделиться – в этом русское богатство. Такое понимание блага-богатства идет еще из славянского язычества, в котором был бог дающий, Дажьбог, дарующий солнечное тепло, свет и плодородие. Славяне с ним себя отождествляли, считали себя даждьбожими внуками:

«Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеться и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-Божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣщи челоувѣкомъ скратишась» [12, с. 16].

Это ведь пишет уже православный человек!

Отсюда, очевидно, и особое восприятие образа Христа, через Его Вселенскую Милость, через особое понимание бесконечного богатства Бога в Милости.

Трудно не согласиться с А. Тойнби, выделившим Русское православие в отдельную от Византии цивилизацию, хоть и не все церковники с этим согласятся. Есть достаточно оснований считать, что некий синтез дохристианских ценностей с библейской этической доктриной породил ментальную черту особой космической сопричастности русского народа – Совесть. В английском языке и слово-то такого нет: переводится как «сознание» –

conscience. А ведь русскому человеку и еще множеству народов, попавших в ореол русской культуры, трудно представить, как это можно жить не по совести! Быть без совести означает быть разбойником, преступником, дурным человеком, лишенным способности к покаянию или раскаянию.

Конечно, совестью Русский мир не ограничивается. Весьма предметно константы русской культуры анализирует Юрий Степанов [14]. Отдельная глава его книги посвящена и совести [14, с. 770–800].

Так что особые ценностные основания русской культуры объединяют множество культур и народов в самостоятельную цивилизацию, принципиальное своеобразие которой в том числе в несерьезном отношении к соперничеству, конкуренции и, как следствие, глубочайшая ирония в адрес карьеристов, считающих за достоинство занять какое-то более высокое социальное положение над ближним своим. Такое положение на Руси никогда не давало преимуществ, а всегда обязывало высокой мерой ответственности, способностью дарить, одаривать. Потому русское чиновничество совершенно не клеится с английским или французским. Русский «сударь», а еще тоньше «сударыня» настолько богаты отношениями с константами «милость», «вера», «надежда», «любовь», «счастье», что сравнивать с английским *sir* крайне сложно. Но это уже тема отдельного разговора.

Что до русофобии в ее специфическом гипертрофированном варианте XXI в., то это явление не относится к цивилизации как высокоорганизованной системе культурных связей. *Boogyman*, или пугало, (монстры есть в любой культуре) всегда используются в воспитательных или манипулятивных целях для управления слабыми умами, детьми например.

Баю, баюшки, баю...

Не ложися на краю,

А то серенький волчок

Придет, схватит за бочок...»

(*колыбельная русская народная песня*)

Вспомните, в советское время образ пузатого буржуина трансформировался в фашиста, а затем и в Дядю Сэма только для по-

зиционирования образа пролетария или советского солдата, канонизированных по иконическому типу. Ковали из русского человека советского. Перековывали в советского человека, к слову сказать, и таджика, и грузина, и представителя любой другой народности СССР. За 80 лет, наверное, только с цыганами не совладали, я и сам «совок»² только потому, что не цыган. Хотя шедевр Александра Бланка по мотивам одноименного романа Анатолия Калинина с великолепной музыкой Валерия Зубкова (1979), как и кинохит про неуловимых мстителей Эдмонда Кеосаяна (1966), запечатлел и образ советского цыгана, который соблазнял не только русских девчонок.

Русофобский *boogyman* – это образ для внутреннего пользования. Из сырых умов куют образ нового антироссийского человека, как в СССР советского ковали. Голливуд и СМИ – скальпели этой евгеники. В это пугало сгружаются все возможные страхи, которые в гиперболической прогрессии плодятся массовой культурой. Конечно, неприятно, что Страшилу именуют Россией. Но англоязычное американское *Russia*, как и «русский» (*Russian*), никогда к русской культуре не относились. За океаном разницу между «русский» и «российский» могут осмыслить, пожалуй, только латиноамериканцы, потому что в их культуре сохранилась особая этно-философия, включающая в себя ценности древней доколумбовой цивилизации, еще и «совки» без разделения на нации, иммигрировавшие при падении СССР. В современной России столько «совков» не осталось, сколько в США и Канаде живет. Так что популярный *Russian boogyman* – мифологема, плод больной фантазии слабой умом массовой культуры. Мифологема эта транслируется в мир как инфекция. Потом заболевшим культурам, возможно, и диагноз придется ставить.

² «Совок» в данном случае – ироничное сокращение словосочетания «советский человек», распространенное в советскую эпоху, начиная с конца 1970 г., характеристика культурного типа личности. Следует подчеркнуть наличие в этом слове не только иронии или сарказма в отношении оценки некоторого другого человека, но и большую долю самоиронии в употреблении Василия Петровича (Прим. – Г. В.).

Я, к примеру, с коллегами из США, Японии, Польши и других стран спокойно переписываюсь, не ощущая никаких фобий по отношению к себе. Между тем уже и американские теоретики отмечают, что одно дело бояться призраков коммунизма или фашизма, а другое – бояться самого страха [19, р. 11]. Этот особый страх, очевидно, связан с глубокой психологической травмой, нанесенной 9 сентября. И можно согласиться с Джеймсом Кэмпбеллом, что нанесена эта травма с целью подавления свободной воли американского народа [19, р. 21–32]. Кому, как не нам, «совкам», понимать, что значит подрезанные крылья. Такого рода ампутация, видимо, входит в общий пакет услуг по социальной евгенике на пути в «светлое будущее» глобального мира.

Г. В. Бакуменко: Третий вопрос, Василий Петрович, будет, пожалуй, самым провокационным, поэтому предварю его небольшим вступлением.

Из Ваших рассуждений следует, что русская культура – это одновременно и некоторый несостоявшийся проект, и некоторое реальное состояние социума здесь и сейчас.

Лишь отчасти могу согласиться с Вами в том, что представители русской философии и писатели «на протяжении всего XIX в. прилагали усилия к пересмотру духовной парадигмы российского общества, созидая проект новой русской культуры». Думаю, что русская культура как проект сформулирована христианскими монахами уже в «Повести временных лет». Уже там, в «Несторовой летописи» начала XII в. содержится православная идея Земли Русской, которая на своих географических просторах до сих пор остается по большей части языческой, нежели христианской. Поэтому можно считать, что, начиная с XII в., русские философы и писатели проектировали русскую культуру, правда, не всегда считали эту деятельность самоцелью. По отношению к сформулированной идее Земли Русской позже в летописях осуждались княжеские распри и постепенно складывалась доктрина единения, послужившая основанием для становления и усиления Московии. Подозреваю, что проектный стер-

жень русской культуры (ее идеальная, нацеленная в будущее сущность) является важным репродуктивным свойством. Идею ведь уничтожить практически невозможно, если она содержит конструктивный потенциал социального единства.

А реализация идеи русской культуры происходит, когда человек сам себе говорит: я русский, то есть непосредственно реализует идею в индивидуальном биографическом проекте, в своей собственной жизни.

И вот теперь, Василий Петрович, самый провокационный вопрос к Вам...

Вы русский?

В. П. Гриценко: Ответ однозначный, но изложу я его в музыкальной форме.

Забейте в Интернет или даже на ЮТУБе в поиск «Алексей Архиповский. Золушка».

Мне очень нравится музыка в исполнении этого гениального музыканта. Его балалайка звучит и как оркестр, и как орган, и как пианино. Звуки синтезируются не из инструмента, а как снежинки или капли дождя падают сверху.

Когда я размышляю о России, то иногда приходят самые темные мысли. Но, слушая мелодию в исполнении А. Архиповского, ощущаю, что она рождается. Я верю в это, ибо музыка посылает нам коды Вселенной. Подобно Пифагору, мы способны прочесть эти сигналы Вселенной и жить в гармонии с ней. Я верю, что мы преодолеем современную какофонию в социальных отношениях и достигнем симфонического гармонизма. Самыми красивыми и продвинутыми архитектурными сооружениями в Краснодаре станут детские сады, школы, университеты, музеи и Дворцы культуры, театры и концертные залы, информационные и дизайн-центры.

Российская цивилизация – цивилизация истины, красоты и добра – духовности, и она имеет историческое предназначение продемонстрировать это. Вместе со всем миром.

Мир многообразен и имеет множество интенций, и все они важны.

Российская элита, адекватная архетипу и социокоду российской цивилизации, должна реализовать эту интенцию красоты, которая есть благо.

Vasily P. GRITSENKO

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Krasnodar State Institute of Culture,
Krasnodar, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6150-577X

Gennadiy V. BAKUMENKO

Cand Sci. (Theory and History of Culture),
Kuban Science Foundation,
Krasnodar, Russian Federation
genn-1@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1661-9428

***In Search of a National Idea:
Conversation with Professor Vasily Gritsenko¹***

The conversation was recorded on 16 January 2020

Abstract. The main topic of the interview with a prominent Russian philosopher, Professor Vasily Petrovich Gritsenko, held in 2020, was problems related to state ideology, its essence and attempts to substantiate it, the national identity of the Russian people, their self-awareness. In the context of the search for the spiritual paradigm of Russian society, the views of Russian philosophers of the late 19th – early 20th centuries are considered. (themes of the Russian idea, the concept of a “God-bearing people,” Russian cosmism, etc.). Attention is paid to the development of social design technologies and the influence of “soft power” applied from the outside on social processes and the direction of social development. The main qualitative characteristics of the Eurasian direction of domestic policy and civilizational development are identified. An attempt is made to philosophically and culturally comprehend the spiritual unity of the peoples of Russia. The importance and necessity of preserving the cultural tradition accumulated by generations of historical spiritual experience is noted. Respect for cultural heritage is understood as a necessary condition for the adequate exercise by man and society of freedom of choice; otherwise, freedom will lead to the repetition of previously committed mistakes. The importance of the antinomies that the search for state ideology in Russia has faced over the years is emphasized. The idea of messianism as the basis of the Russian idea is criticized. The topic of civilizational differences and related concepts (civilizational choice, civilizational level) are considered. The distinction between the concepts of “culture” and “civilization” is substantiated, and the assumption is made that civilization as a conglomerate of cultures can only be defined through the presence of cultural differences. The ideas of Arnold Toynbee and Bronisław Malinowski related to the understanding of culture as a unique integrity, the statement of the thesis about the multilineal development of civilization are analyzed, and the value foundations of Russian culture are discussed. Russophobia is condemned as a phenomenon that does not relate to civilization as a highly organized system of cultural relations; Russophobic images created in the West are interpreted as mythologems, products of sick fantasy that arose in mass culture. It is suggested that the core of Russian culture (its ideal, future-oriented essence, created during the times of Kievan Rus) is its important reproductive property and contains the constructive potential of social unity.

¹ This publication is an expanded and clarified version of the interview first published in Parus magazine in two parts:

1. Bakumenko, G.V. & Gritsenko, V.P. (2019) Sakralizatsiya prekrasnogo v praktike npravstvenno-ideologicheskogo konstruirovaniya gosudarstvennosti [Sacralization of beauty in the practice of moral and ideological construction of statehood]. (Part 1). Parus. 11-12 (79). [Online] Available from: <https://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/sakralizatsiya-prekrasnogo-v-praktike-npravstvenno-ideologicheskogo-konstruirovaniya-gosudarstvennosti> (Accessed: 15.03.2024).

2. Bakumenko, G.V. & Gritsenko, V.P. (2020) Sakralizatsiya prekrasnogo v praktike npravstvenno-ideologicheskogo konstruirovaniya gosudarstvennosti [Sacralization of beauty in the practice of moral and ideological construction of statehood]. (Part 2). Parus. 1-2 (80). [Online] Available from: <https://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/sakralizatsiya-prekrasnogo-v-praktike-npravstvenno-ideologicheskogo-konstruirovaniya-gosudarstvennosti-0> (Accessed: 15.03.2024).

Keywords: national idea, Russian idea, Eurasianism, Vladislav Pasechnik, Arnold Toynbee, Bronisław Malinowski.

Использованная литература:

1. Бердяев Н. А. Судьба России: опыты по психологии войны и национальности. М.: Изд. Г. А. Лемана, С. И. Сахарова, 1918.
2. Борисов Б. П., Бакуменко Г. В. Сакрализация и профанация национальной государственности // Спасут ли мир дельфины? Русские беседы о сакрализации прекрасного. Армавир: Б. и., 2019. С. 217–231. DOI 10.2139/ssrn.3382991.
3. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. И. Левина, П. П. Гайденко, А. Ф. Филиппова. 2-е изд., доп. и испр. М.: Росспэн, 2006.
4. Кантор В. К. Понимать Россию умом: к проблеме самосознания русской мысли // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 3. С. 117–131.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система Консультант-Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/ (дата обращения: 08.10.2019).
6. Крёбер А. Л. Избранное: Природа культуры / пер. с англ. Г. В. Вдовин. М.: Росспэн, 2004.
7. Недбаева С. В. Интродукция // Спасут ли мир дельфины? Русские беседы о сакрализации прекрасного. Армавир: Б. и., 2019. С. 7–9. DOI 10.2139/ssrn.3382991.
8. Пасечник В. В. Идея народа-богоносца как характерная черта русской религиозной философии // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2–1 (78). С. 201–203.
9. Пономарева Е. Г. Принцип домино: мировая политика на рубеже веков. М.: Канон, 2016.
10. Розанов В. В. Размолвка между Достоевским и Соловьевым [Электронный ресурс] // Библиотека «ВЕХИ». URL: <http://www.vehi.net/rozanov/dostsol.html> (дата обращения 08.10.2019).
11. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
12. Слово о полку Игореве / ред. В. П. Адрианова-Перетц; подгот. к печати и вступ. ст. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
13. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 140–288.
14. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.
15. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Избранное / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М.: Айрис-Преусс: Рольф, 2001.
16. Толстой Л. Н. Учение Христа, изложенное для детей. СПб.: Свет, 2019.
17. Трубецкой Н. С. Европа и человечество // История. Культура. Язык. М.: Прогресс, 1995. С. 55–104.

References:

1. Berdyaev, N.A. (1918) *Sud'ba Rossii: opyty po psikhologii voyny i natsional'nosti* [The Fate of Russia: Experiments on the Psychology of War and Nationality]. Moscow: Izd. G. A. Lemana, S. I. Sakharova. 240 p.
2. Borisov, B.P. & Bakumenko, G.V. (2019) *Sakralizatsiya i profanatsiya natsional'noy gosudarstvennosti* [Sacralization and Profanation of National Statehood]. In: Bakumenko, G.V. et al. *Spasut li mir del'fyny? Russkie besedy o sakralizatsii prekrasnogo* [Dolphins Save the World? The Russian Dialogues on the Sacralization of the Beautiful]. pp. 217–231. DOI: 10.2139/ssrn.3382991
3. Weber, M. (2006) *Izbrannoe: protestantskaya etika i dukh kapitalizma* [Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. Translated from German by M.I. Levin, P.P. Gaydenko, A.F. Filippov. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN. 648 p.
4. Kantor, V.K. (2011) *Ponimat' Rossiyu umom: k probleme samoznaniya russkoy mysli* [Understanding Russia With the Mind: To the Problem of Self-Awareness of Russian Thought]. *Vestnik russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 12 (3). pp. 117–131.
5. Consultant.ru. (2019) *The Constitution of the Russian Federation (Adopted by Popular Vote on December 12, 1993)*. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/249eba46b69e162f87771713b6e37fb0780f2c40/ (Accessed: 08.10.2019). (In Russian).
6. Kroeber, A.L. (2004) *Izbrannoe: Priroda kul'tury* [Selected Works: The Nature of Culture]. Translated from English by G.V. Vdovin. Moscow: ROSSPEN. 1006 p.
7. Nedbaeva, S.V. (2019) *Introduktsiya* [Introduction]. In: Bakumenko, G.V. et al. *Spasut li mir del'fyny? Russkie besedy o sakralizatsii prekrasnogo* [Dolphins Save the World? The Russian Dialogues on the Sacralization of the Beautiful]. pp. 7–9. DOI: 10.2139/ssrn.3382991
8. Pasechnik, V.V. (2013) *Ideya naroda-bogonostsa kak kharakternaya cherta russkoy religioznoy filosofii* [The Idea of a God-Bearing People as a Characteristic Feature of Russian Religious Philosophy]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2–1 (78). pp. 201–203.
9. Ponomareva, E.G. (2016) *Printsip domino: mirovaya politika na rubezhe vekov* [The Domino Principle: World Politics at the Turn of the Century]. Moscow: Kanon. 309 p.
10. Rozanov, V.V. (2019) *Razmolvka mezhdou Dostoevskim i Solov'evym* [The Spat Between Dostoevsky and Solovyov]. VEHI Library. [Online] Available from: <http://www.vehi.net/rozanov/dostsol.html> (Accessed: 08.10.2019).
11. Savitskiy, P.N. (1997) *Kontinent Evraziya* [The Eurasia Continent]. Moscow: Agraf. 461 p.
12. Adrianova-Peretts, V.P. (ed.) (1950) *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences. 483 p.
13. Solov'ev, V.S. (1988) *Filosofskie nachala tsel'nogo znaniya* [Philosophical Principles of Integral Knowledge].

18. Храмов В. Б., Бакуменко Г. В. Сакрализация сердца [Электронный ресурс] // Спасут ли мир дельфины? Русские беседы о сакрализации прекрасного. Армавир: Б. и., 2019. С. 232–261. DOI 10.2139/ssrn.3382991.
19. Campbell J. R. Mythicist Foundations of State Terror: Complicity and Truth-telling in the Shadow of Betrayal // *International Journal of Applied Philosophy*. 2019. Vol. 33. № 1. P. 11–33. DOI 10.5840/ijap201988120.
20. Malinowski B. *A Scientific Theory of Culture and Other Essays* / With a Preface by H. Cairns. New York: Oxford University Press, 1960.
- In: Solov'ev, V.S. *Sochineniya: V 2 tt.* [Works: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 140–288.
14. Stepanov, Yu.S. (2004) *Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. 3rd ed. Moscow: Akademicheskii proekt. 992 p.
15. Toynbee A. J. (2001) *Postizhenie istorii: Izbrannoe* [A Study of History: Selected Works]. Translated from English by E.D. Zharkov. Moscow: Ayris-Press: Rol'f. 637 p.
16. Tolstoy, L.N. (2019) *Uchenie Khrista, izlozhennoe dlya detey* [The Teachings of Christ, Told for Children]. Saint Petersburg: Svet. 72 p.
17. Trubetskoy, N.S. (1995) *Evropa i chelovechestvo* [Europe and Humanity]. In: Trubetskoy, N.S. *Istoriya. Kul'tura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow: Progress. pp. 55–104.
18. Khramov, V.B. & Bakumenko, G.V. (2019) *Sakralizatsiya serdtsa* [Sacralization of the Heart]. In: Bakumenko, G.V. et al. *Spasut li mir del'fina? Russkie besedy o sakralizatsii prekrasnogo* [Dolphins Save the World? The Russian Dialogues on the Sacralization of the Beautiful]. pp. 232–261. DOI: 10.2139/ssrn.3382991
19. Campbell, J.R. (2019) Mythicist Foundations of State Terror: Complicity and Truth-telling in the Shadow of Betrayal. *International Journal of Applied Philosophy*. 33 (1). pp. 11–33. DOI: 10.5840/ijap201988120
20. Malinowski, B. (1960) *A Scientific Theory of Culture and Other Essays*. With a Preface by H. Cairns. New York: Oxford University Press. 228 p.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гриценко, О. Р. В поисках национальной идеи: беседа с профессором Василием Гриценко : [интервью с видным российским философом / интервьюер Г. В. Бакуменко]. – Текст : электронный. – DOI 10.36343/SB.2023.37.1.010 // Наследие веков. – 2024. – № 1. – С. 126–138. – URL: http://heritage-magazine.com/index.php/HC/article/view/___/___ (дата обращения: ДД.ММ.ГГГГ)..

Full bibliographic reference to the article:

Gritsenko, V.P. & Bakumenko, G.V. (2024) In Search of a National Idea: Conversation with Professor Vasiliy Gritsenko. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.1*. pp. 126–138. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2023.37.1.010